

С ТЕАТРА СПРОСИТСЯ

В ДНИ ДЕКАДЫ молдавской литературы в искусстве в Москве с большим успехом выступила выпускная студия Училища имени Б. В. Шуккина. Спектакль «Свадебный костюм» поразил зрителя жанровой определенностью и язычеством стилей. Хорошо владевшая всевозможными формами, студия легко переходила от прозы к поэзии, стремительно двигалась по сюжету, не забывая, однако, о внутренней жизни своих героев.

Прошло около трех лет, и теперь это уже не молдавская студия вахантовского училища, а коллектив республиканского молодежного театра «Луцафэрул». Это уже довольно определившийся театр. О нем можно и нужно говорить без схинок на молодость.

«ЛУЦАФЭРУЛ» радует верностью студийным традициям, художественной дисциплиной. Но, не замыкаясь в себе, он ищет крепких связей со зрителем. В искусстве «Луцафэрула» видна вахантовская любовь к ритму, пластике, выразительному жесту, стремление сочетать правду чувства с остроотой театральной формы. Сохраняя верность общественным принципам, повернутым в школу, театр старается передать своеобразие жанра и стиля каждой пьесы, принятой к постановке.

Молдавскую пьесу «Дети и яблоки» К. Кондри театр избрал в лирико-комедийном ключе. Изящно оформленный художником Ф. Хмезару, спектакль обрел темными заставками-пантомимами, которые подчеркивают сценическую ситуацию и подчеркивают характерные особенности персонажей.

Совершенно иное, графически резкое, почти плакатное решение и в декорациях художника Н. Аленьева, и в рисунке мизансцен и ролей находит театр для изображения американского образа жизни в спектакле «Автор умрет сегодня вечером» А. Мировану.

В «Проделках Скалена» театр стремится не в чем не нарушить молдавскую стилистику.

Это не значит, что театр находит единственно точное решение спектакля, но он остается верным своему представлению о пьесе, ее замысле и жанре. Однако такая убежденность, в принципе весьма полезная, требует, чтобы представление о пьесе было действительно верным и касалось не только ее стилистики, но прежде всего идеи и содержания. К сожалению, это не всегда удается «Луцафэрулу».

«Луцафэрул» сыграл «Дети и яблоки» как бы точно «авторскую» чуточку смешно, чуточку грустно, не столько писавшей на себя, сколько сколько скорбя о том, что человек поддается вулкану влияния собственности. Хотя в пьесе К. Кондри ситуация и персонажи достойны сарказма, театр принял авторское определение ее жанра как «горькой комедии» и посмотрел на потребителей жизни без надлежащего гнева и презрения.

Могут сказать, что для осмысления недостатков юмор не менее важен, чем сатира. Да, это так, но ведь калейбры орудия выбирают в соответствии

с пьесой. Жизнь безмерно богата и разнообразна в своих проявлениях, и настоящее искусство находит необходимую художественную меру для нравственной оценки каждого явления действительности. А театр не заметил, что в самой пьесе К. Кондри существует различие между формой и содержанием, между нравственной виной «героя» и художественной мерой «возвездствия».

Дачевладесен Бережану не так прост и не просто чудовато. Бережану — собственник. Он верит в то, что мир состоит из вещей, правда, среди них есть и одушевленные, но все равно, каждая вещь должна быть выгодно пристроена. Прибыль — обывая яблоки из собственного сада. Бережану лезет из кожи вон, чтобы подороже продать дочь Лауру зажиточному врачу Бибэрику и «протолкнуть» сына Физеля в институт. В конце концов жизнь больно бьет Бережану: от него уходят дети, и тогда оказывается, что и яблоки ни к чему.

Театр вполне удовлетворен таким финалом и, как бы «предвидя» его заранее, не гнетается в сценическом действии ни в то, что Бережану вселет торг с халупного-заготовителем Пулю, ни в то, что он тиранит честного сына, готов убит мальчишью, залезшего в сад, торгует красотою Лауры и пытается «купить» бригадира Павла.

Театр не обеспокоен тем, что в пьесе Павел оказался, скорее, положительным «катализатором», чем героем, а в спектакле выпал из общего строя и ступившая перед другими персонажами, отлично сыгранными в рамках замысла даровитыми артистами И. Унгуряну (Бережану), Е. Малюк (Лаура), Д. Фусу (Физель), Е. Тодорышчу (Бета) и другими. А ведь именно Павел «заводит» детей Бережану в дом, открывая им (по сюжету) иной мир человеческих отношений.

Постановщик Н. Аронешка — несомненно талантливый человек. Он нашла нужную форму для «горькой комедии» и сохранила ее жаровые особенности на протяжении всего спектакля. Как главный режиссер, Аронешка бережно относится и вахантовским традициям в стилистике спектаклей и манере игры. Но, судя по «Детям и яблокам», театр менее внимателен к вахантовскому же принципу «современного, идейного отношения художника к изображаемой жизни». А современное, идейное отношение к собственничеству требует от драматурга гневного осуждения. «Луцафэрулу» не мог идти наперекор пьесе — ни к чему хорошему это никогда не приводит, но взвесить вместе с автором меру нравственного осуждения собственничества он был обязан.

Но, может быть, в палитре театра нет краски гнева, гражданской активности против зла? Нет, даже в классической комедии театр обнаружил пафос осуждения, сумел показать «горькую» Скалена, не исказив при этом ни духа, ни стиля Мольера. Скален — Фусу принимает традиционную позу фарсового служителя лишь в заставках спектакля. Скрестив ноги и подбоченившись, стоит он, выхваченный лучом прожектора, и улыбается во весь рот. Но эта улыбка не натуральна — она лишь дань традиции, та белая маска, которая украшает портал спектакля наряду с черной, печальной. Вот ее-то, черную, и «несет» на себе Скален — Фусу. Он не только не угодлив и не подoboстретен, что и без того задано самим Мольером, он полон презрения, а подчас и высомерия к этим жалким господам, не способным даже отстоять свою честь и любовь. Фусу подождал и лодок, ему ничего не стоит аспири-

нуть на скамьи, не обернувшись и ней лицом, и легко совладать с изощренной мизансценой. Да, его Скален нередко озорует. Излобловым жестом — указательным пальцем вытаскивая руки — он как бы называет Арганта «мля Жеронта» и издевается издалека. Но часто Скален бывает и смурчон. Он не иронизирует над Аргантом и Леандром, а мстит им, платит за унижение.

Скален устал служить у скопилов и щеголей. Он ушел бы от них куда глаза глядят, если бы не мужественная страсть ко «всаким опасным затеям, если бы не презрение к трусам, которые «дрожат, как бы не поспаслись», если бы, наконец, не благородное стремление покровительствовать любящим. В конце концов, он единственный настоящий человек в этом кукольном мире, где показное благородство дружит с мнимой значительностью. Герой Фусу даек не только от своего прародителя италийского Скапино — первого Даниила народной комедии, он ушел и от молдавского Скалена, выломившись из строя персонажей комедии и как бы обожавшая последние исторические дружит с мнимой значительностью. Ох уже не только понимает социальную несправедливость буржуа, но и стремится перейти к личному протесту против несправедливости. Это прелестно и современно: героль Мольера. Однако в спектакле намечается известный разрыв между вполне реальным Скаленом и другими, вероломными условными персонажами. Может быть, это и задано режиссером для большего контраста между настоящим человеком, благородным плебеем Скаленом и ничтожными буржуа и их жалкими церемониями. Однако постановщик Аронешка, придумавшая немало остроумных шуток и мизансцен, на мой взгляд, порой излишне увлекается театральными играми, всякими связками и перекладами, то «облегчающими» действие в балетно-пантомимном духе, то резко тормозящими его затянными паузами.

Главнейшим в обличении современного американского образа жизни. В стрелчатых и четких ритмах первого действия спектакля «Автор умрет сегодня» (Знаменитый 1024), поставленного режиссером И. Толчановым, ясно выражены злая механика капиталистического общества. Резкими штрихами, в плакатно-графическом стиле обозначены характеристики участников торга. Это современный дощатый «мертвых душ» издатель Гаррисон, талантливо сыгранный И. Унгуряну. Это преступник Чарльз Сидман, которому предлагают отбывать смертную казнь на время, пока он будет писать сенсационный «бестселлер» — автобиографический роман. Его смятение, резкие переходы от отчаяния к надежде точно отерты И. Шукра. Это поразительно ловкий вор Джо (отличная работа Д. Коробану), способный незаметно стянуть не только нательный крест с шеи пастора и платье с журналистки, но даже взорванный электрический стул.

И все же театру не удается в полной мере проявить свою идеологическую активность против враждебного нам образа жизни. Этому мешает сама пьеса. Уже со второго акта действие начинает выдыхаться, идет серия заурядных сатирических иллюстраций к избранным темам, а в третьем акте разглагольствует трафаретно-заведная, сентиментально-утилитарная история с «девушкой в голубом» (В. Избушук), названо открывающей Черилла от безнравственного сочинительства. В финале даже автор не знает, что делать со своими «героями»: с одной

сторонам, надо бы вывести его в противники капитализма, а с другой, он ведь и в самом деле банален...

Зачем трестили снам на эту постановку и даровитый коллектив, и прекрасный художник сцен, один из учителей и опекунов «Луцафэрула» Н. М. Толчанов?

И ЗДЕСЬ мне хочется сказать несколько «горьких» слов по поводу репертуара и темпов работы «Луцафэрула».

С художника спросится. Так говорил Егор Вахантов, утверждая гражданственность и учительскую миссию искусства. Да, с художника спросится, и прежде всего за то, что он дает народу, — за репертуар. Если не считать двух выпускных спектаклей («Свадебный костюм» и «Ноль по повелению»), «Луцафэрул» сделал мало постановок, а современных советских и того меньше: «Два цвета», «Дети и яблоки» и пьесу А. Лупан «Все в порядке». Ставил он также спектакли «Чужой ребенок» и «Старые друзья». И все. А ведь «Луцафэрул» — молодежный театр. Он является социальным аванпостом Ленинского комсомола, от направления и интенсивности его работы немало зависит нравственно-эстетическое воспитание молдавского юношества. «Луцафэрул» должен обслужить и детей, однако, в его репертуаре для них всего лишь две пьесы, да и те почти отгнанные.

На афише «Луцафэрула» нет лучших советских пьес юношеского репертуара, нет русской классики, как нет в близкой Молдавии румынской классики.

С художника спросится и за то, как он рассказывает народу о жизни. Привлекательна манера игры «Луцафэрула». Но если он не использует все театральные регистры, если не заговорит в полную силу «взрослым» голосом, то манера может стать mannerностью, извещество — жантильностью, а смежность и непосредственность с глазами покажутся наигранными. Пора возмужать даровитому коллективу, пора выходить в открытое море большого репертуара и сильных страстей, пора создать настоящий образ молодого советского человека.

М. ЛЕВИН.